

УДК 81-23

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/88/71>

## МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВ МИРА В ТЮРКСКИХ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

©*Эргешбай кызы М., Ошский государственный университет,  
г. Ош, Кыргызстан, [ergeshbaykyzy81@mail.ru](mailto:ergeshbaykyzy81@mail.ru)*

©*Тагаев М. Д., д-р филол. наук, Киргизско-Российский славянский университет,  
г. Бишкек, Кыргызстан, [mamed\\_tagaev@list.ru](mailto:mamed_tagaev@list.ru)*

©*Темиркулова Ы. А., канд. филол. наук, Ошский государственный университет,  
г. Ош, Кыргызстан, [temirkulovaik@mail.ru](mailto:temirkulovaik@mail.ru)*

## MODELS OF LANGUAGE DESCRIPTION AND LINGUOCULTURAL CODE IN CREATING IMAGES OF THE WORLD IN TURKIC AND RUSSIAN LANGUAGES

©*Ergeshbai kyzy M., Osh State University, Osh, Kyrgyzstan, [ergeshbaykyzy81@mail.ru](mailto:ergeshbaykyzy81@mail.ru)*

©*Tagaev M., Dr. habil., Kyrgyz-Russian Slavic University,  
Bishkek, Kyrgyzstan, [mamed\\_tagaev@list.ru](mailto:mamed_tagaev@list.ru)*

©*Temirkulova Y., Ph.D., Osh State University, Osh, Kyrgyzstan, [temirkulovaik@mail.ru](mailto:temirkulovaik@mail.ru)*

*Аннотация.* В статье на фоне системоцентрической парадигмы рассматриваются особенности антропоцентрической модели и лингвокультурного кода как эффективного инструмента создания и понимания национально-культурных образов, которые составляют глубинные черты национально-культурного своеобразия языков. В основу исследования легли материалы киргизского, турецкого и русского языков, организуемые в ассоциативно-вербальные тематические поля лексем с прямыми значениями, которые в результате процессов вторичной номинации используются в переносных смыслах и для кодирования своеобразия национально-культурной семантики. Такой подход с учетом человеческого фактора и историко-культурного своеобразия этноса становится эффективным инструментом для постижения национального характера этносов.

*Abstract.* In the article, against the background of the system-centric paradigm, the features of the anthropocentric model and the linguo-cultural code are considered as an effective tool for creating and understanding national-cultural images that constitute the deep features of the national-cultural identity of languages. The study is based on the materials of the Kyrgyz, Turkish and Russian languages, organized into associative-verbal thematic fields of lexemes with direct meanings, which, as a result of secondary nomination processes, are used in figurative senses and for coding the originality of national-cultural semantics. Such an approach, taking into account the human factor and the historical and cultural identity of the ethnic group, becomes an effective tool for comprehending the national character of ethnic groups.

*Ключевые слова:* когнитивная лингвистика, языковая картина мира, лингвокультурный код, национально-культурное своеобразие.

*Keywords:* cognitive linguistics, language picture of world, linguocultural code, national and cultural identity.

В настоящее время актуальными для языковедческой науки являются две ведущие модели научного описания языка: системно-структурная и антропоцентрическая. В этой связи

важно выяснить особенности этих парадигм и особенности их применения в языкознании Кыргызстана. Язык, разложенным по уровням (фонетический, лексический, грамматический и др.), затем оказывается сложно собрать воедино в единый функционирующий механизм, особенно тем, кто изучает его как неродной, чтобы использовать как еще одно средство общения и познания мира. Обладая достаточными знаниями об устройстве (грамматике и словаре) русского языка, дети при овладении им не могут эффективно соединить единицы разных уровней в своем сознании для производства русской речи. В этой ситуации крайне необходимым становится создание дискурсивного контекста, где эти единицы получают реализацию.

Как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, собственно языком является сам процесс производства речи, а не членение на уровни языковой системы [1]. Таким образом, главным объектом лингвистики XX века выступал язык, представляемый учеными как система знаков, образующих между собой свою внутреннюю структуру и сеть отношений. Это был, несомненно, значительный прорыв в истории лингвистики. Результаты таких исследований всегда будут представлять надежный фундамент для всякого лингвистического поиска, в каком бы он аспекте не проводился.

Второй подход, антропоцентрический, предполагает, что элементами языка являются речевые акты и дискурс, функционирующие в сообществах людей и социальных мирах, а целью анализа становится установление вероятностных зависимостей между этими единицами и норм диалога [2]. Таким образом, важное отличие системноцентрической и антропоцентрической лингвистики заключается в наличии в последней такого свойства как сингулярность, т. е. в усилении неопределенности в использовании языковых средств в процессе коммуникации. К примеру, в процессе общения человек имеет возможность реализовать одну и ту же мысль самыми различными способами, что зависит от самой ситуации общения (с кем говорит, как он относится к предмету разговора, кто еще принимает участие в беседе и многое другое); мысль «мне очень хорошо!» может быть выражена примерно следующим кругом языковых средств: замечательно; очень хорошо, как в раю, лучше не бывает, как в сказке, никогда так не было, слов нет, слава Богу и т.п.. Описание языка как языкового кода, приближенного к процессам, происходящим в сознании человека, делает его результаты вероятностным.

Антропоцентрическая парадигма в лингвистике не сменила системно-структурную, а открыла новые горизонты изучения языка. Особенность данного подхода заключается в том, что язык мыслится как неотъемлемая от человека система, которая тесно связана с его мышлением, духовно-практической деятельностью, с его личностными качествами и знаниями о мире [3]. В связи с этим современное состояние теоретической лингвистики характеризуется выдвиганием в ней двух главных парадигм научного знания — коммуникативной и когнитивной.

В центре внимания когнитивной лингвистики — человеческое сознание, на важность изучения которого обратил внимание академик Велихов Е., лауреат Нобелевской премии: «Если мы хотим занимать лидирующие позиции в мировой экономике, то должны развиваться 4 ключевых технологии, которые будут способствовать выходу из кризиса, — это нано-, биотехнологии, информационные и когнитивные технологии, то есть технологии сознания [4]. Когнитивная лингвистика исследует человеческое сознание, которое представляется как механизм, служащий для получения, переработки, хранения и использования информации для оптимального решения каждодневных задач. Важно заметить, что человеческое сознание обладает, наряду с универсальными чертами, национально-культурным своеобразием,

этнической аксиологией, благодаря чему осуществляется ценностное отношение к реалиям окружающего мира.

Таким образом, объектом изучения когнитивной лингвистики является не язык как система знаков и отношений между ними, а знание о мире, получаемое через язык, которое содержательно насыщено этнической аксиологией и отношением говорящего к данному предмету. К примеру, с этой точки зрения мало знать, что киргизское слово *кой* переводится как *овца*, но и обладать комплексом знаний о мире в сознании киргиза, которые ассоциируются с данной лексемой, без которого не может состояться полноценный дискурс на этом языке. В киргизской культурно-языковой картине мира находим следующий комплекс знаний, которые так или иначе связаны со словом *кой*: *кунан кой* — овца по четвертому году, *дөнөн кой* — овца по пятому году, *козу* — ягненок, *койчуман* — овечий пастух, *жанбаши жилик* — самая почетная кость туши овцы и др.; аксиологические суждения: *кара кой* — черная овца (ее мясо считается более вкусным, чем мясо овцы другой масти, *койдой жоош* — как овечка (смирный, безобидный), *кой оозунан чөп албаган* — тихий, безобидный, *кой көз* — карие глаза (большие и красивые) и др.; мифологемы: *Чолпон ата* — покровитель овец.

Круг таких знаний о мире, заключенных в языковых формах, может быть разным у носителей разных языков, что зависит от природной среды обитания этноса, особенностей культурно-исторического развития, традиций народа и др. К примеру, если для киргиза *гриб* — это только козу карын (желудок ягненок), то в сознании русского человека имеется множество лексем, называющих его разновидности: *грузди, белый гриб, лисичка, масленок, опенок, подосиновик, рыжик, сморчок* и так до 50 названий. С названиями грибов связаны поговорки, загадки. К примеру, поговорка: *груздем — назвался груздем — полезай в кузов!*, загадка: *Во мху, как на подушке / Чье-то беленькое ушко.*

Национально-культурные знания о предмете и оценочные суждения о нем составляют своеобразие языка и образуют круг фоновых знаний, которые влияют на организацию и течение дискурса и в целом определяют речевое поведение человека. К примеру, при заключении межнациональных браков возникает множество вопросов, связанных с особенностями национально-культурного мировидения, иногда приводящих к культурному шоку.

Таким образом, различия между языками заключаются не только в их типологическом устройстве, но и в лингвокультурных знаниях и образах мира, которые будут отличаться в разных языках в зависимости от культуры, традиций, обычаев, ценностных предпочтений этноса.

Вполне понятно, что основным способом фиксирования и передачи информации является язык, поэтому он оказывается в центре внимания представителей когнитивных наук. В когнитивной лингвистике основное внимание уделяется «связи языка с познавательными процессами, со способами получения, обработки и хранения информации о мире в их корреляции с языковыми формами» [5]. Когнитивная лингвистика рассматривает язык в качестве посредника между реальным миром и тем культурно-смысловым пространством, которое объективировано в языковых формах данного этноса. Основным объектом когнитивной лингвистики является язык, рассмотренный в его «разнообразных и многообразных связях... со всеми мыслительными и познавательными процессами, осуществляемыми человеком и, наконец, с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе» [6]. Причем, «структура окружающего человека мира, той экологической среды, в которую он погружен, не может не отразиться на формах познания мира, точнее формах когниции» [7].

Рассмотрим с позиций последнего утверждения, каков мир и экологическая среда, в которых живут носители русского, киргизского и турецкого языков. Ведь они отражаются на формах познания мира, определяют его образы и языковую картину мира в целом. Развивая эту мысль, отметим, что язык возникает, развивается и функционирует не по меркам абстрактного человека, а конкретного, причем с учетом национально-культурного, ландшафтного и хозяйственного пространства, которое можно назвать *культурно-экологической средой*.

Киргизов и турок объединяет историко-культурные корни, которые уходят в глубь веков, принадлежность к одной религии — исламу. Они отразились в языке и сознании носителей этих языков как архетипы, или элементы коллективного бессознательного. К примеру, понимание того, что киргизы и турки — это тюрки, следовательно, принадлежат к одному роду-племени, и те, и другие — мусульмане. Несмотря на то, что эти народы разделяет ныне огромное пространство, а исторические судьбы сложились иначе, мы можем найти общие архетипичные суждения и образы мира, которые отложились во фразеологии и паремиологии. К примеру, кырг. *Этеги элбиреп, жеңи желбиреп*, түрк: *Etekleri zil çalmak* (торопиться от большой радости); кырг. *Башы айлануу*, түрк: *Vaşı dönme* (чувствовать себя неважно; растеряться); кырг. *Битин сыгып канын жалаган же кесип алсаң кан чыкпаган*, түрк: *Öldürseler kan akmaz, sinekten yağ çıkarmak; günahını bile vermemek* (о жадном человеке, скряге).

С другой стороны, в ходе исторического развития киргизы и турки оказались в разных историко-культурных и экологических средах, взаимодействуя с разными языками и культурами. Географическое расположение Турции между Азией и Европой способствовало тому, что здесь сформировался этнос, в характере и языковой картине мира которого сошлись образы из разных культур и видений мира, получив отражение в турецком языке. Так, турки говорят: *Bir kahvenin kırk yıl hatırı vardır* ‘чашку кофе помнят 40 лет’ (если вы разделите чашку кофе с турком, то вас будет связывать 40 лет добрая дружба). Ключевым в данной паремиологическом выражении является слово *кофе*, который киргизам был мало знаком.

Не только культурно-экологическая среда, в которой живет этнос, но и в свою очередь и семантико-смысловое пространство исторически сформировавшегося языка начинает активно влиять на процессы переработки знания человеческим сознанием. Это означает, что несмотря на типологическую близость киргизского и турецкого языков, культурно-экологическая среда проживания этих народов стала существенно отличаться, что оказало значительное влияние на процессы восприятия и оценки мира киргизами и турками. Одни и те же смыслы стали передаваться через разные образы. К примеру, тур. *Sakız gibi yapışmak* ‘липнуть как жвачка’ Чап кенедей жабышуу (о неотвязчивом человеке); *Sana söylüyorum kızım, gelinim sen anla* ‘тебе я говорю, доченька, но слушай ты, невестка’ *Keregem сага айтам, келиним сен ук* ‘тебе я говорю, *кереге\** (нижняя решетчатая часть юрты), но слушай ты, невестка’; Таш боор — *Kati yürekli* ‘жестокий, бессердечный’. В этих выражениях турецкого и киргизского языков представлены разные образы видения мира. В первом случае образ человека неотвязчивого, надоедливового в турецком языке передается через жвачку, которая отличается свойством цепляться, в киргизском же — через клеща, которого бывает трудно отодрать от тела.

Во втором примере турецкие и киргизские идиомы отразили культурно-экологическую среду, в которой пребывали эти народы. Эти выражения показывают сходные черты в киргизской и турецкой культурах (нельзя было родителям мужа напрямую обращаться к невестке, поэтому они адресуют свое сообщение дочери и кереге). В то же время эти идиомы свидетельствуют о том, что киргизы вели кочевой образ жизни и жили в юртах. Иначе говоря, культурно-экологическая среда оказывает существенное влияние на видение мира и его

представление в языке. Прав был В. Гумбольдт, утверждая, что «сами языки, явившиеся инструментами этого развития, приобретают настолько определенный характер, что по ним становится легче узнать характер нации, чем по ее нравам, обычаям и деяниям» [8].

Смысловое пространство языков, их структура в ходе исторического развития этноса становятся своеобразным отпечатком, отражающим образ мира, возникающий в языковом сознании носителей языка. Этот образ — результат субъективной интерпретации реалий действительного мира коллективным бессознательным этноса, закрепляемый в формах языка. Субъективная интерпретация окружающего мира коренным образом изменяет природу человеческого языка, делает ее такой системой, в которой ее ключевые параметры соотносятся с человеком.

Такое понимание природы языка дает широкий простор для создания национально обусловленных особенностей восприятия, оценки мира, а также для выбора набора языковых средств, которые используются для номинации реалий действительности. Благодаря этим процессам все реалии окружающего мира получают идиоматичную, характерную только для данного этноса интерпретацию, результаты которой системно закрепляются в языковых формах, придавая образу мира национально-культурный колорит.

В центре языковой картины мира находится человек как исходная точка отсчета и призма, через которую преломляются все реалии и события, с которыми связана жизнедеятельность человека. Надо полагать, что построение языковой картины мира в меньшей степени зависит от формального типологического устройства языка, поскольку носители разных языков могут иметь сходные образы мира. Следовательно, различия между языками лежат гораздо глубже, уходят своими корнями в историю народа, его культуру и уклад жизни, в условиях которых формируется матрица языкового своеобразия. «Этот уклад, доставаясь народу от отдаленных эпох, — утверждал В. Гумбольдт, — не может воздействовать на народ, чтобы не сказаться и на его языке» [8].

История народа, традиции, религия, обычаи, этика, искусство, уклад жизни, природная среда и мн.др. в совокупности формируют культуру, которая уникальна для каждого народа. В этой связи Э. Бенвенист писал: «Я называю культурой человеческую среду, все то, что помимо выполнения биологических функций придает человеческой жизни и деятельности форму, смысл и содержание» [9]. Культура складывается из комплекса понятий и предписаний, как поступать в тех или иных случаях, в нее включаются также запреты и табу на какие-либо действия. Все это имеет отражение в национальном языке, выражается в форме лаконичных суждений, заключенных в пословицах и поговорках, фразеологических оборотах и негласных прескрипциях, известных каждому носителю языка. К примеру, русск. не в свои сани не садись; кырг. төө көрдүңбү — жок, бээ көрдүңбү — жок; тур. Beles atin disine bakilmaz «Дареному коню в зубы не смотрят».

Культура принимает самое активное участие в формировании концептов, стереотипов и архетипов национального сознания. Она органично вплетена в семантико-смысловое пространство национального языка, определяя особенности языкового существования и речевого поведения личности как на уровне коллективного, так и индивидуального сознания.

Уникальность видения мира каждым этносом через призму национально-культурных ценностей позволяет говорить о формировании в каждом из языков лингвокультурного кода, знание которого обеспечивает миропонимание и владение данным языком, создавая между его носителями незримую связь. Лингвокультурный код обеспечивает понимание национальных образов, реализуя одно из ведущих положений современной лингвистики — принцип экспланаторности, согласно которому необходимо объяснить каждый языковой факт. Так, выражение в киргизском языке имеется выражение *көзүн тазалоо* «вычистить глаза» в

значении «убить, лишиться жизни», которое с точки зрения внутренней формы непонятно для носителя русского языка. Объяснение ему мы находим, поставив данное выражение в систему паремиологических средств, связанных со словом *көз*. Так, *көз жарды* «открыла глаза» — говорят о женщине, которая родила ребенка. Иначе говоря, она открыла глаза на мир новому существу, где глаза — это олицетворение новой жизни, или сама жизнь. *Көз жумду* — «закрыв глаза» «скончался, покинул этот свет». Таким образом, в *көзүн тазалоо* «вычистить глаза» кодируется отмеченный смысл.

Понятия лингвокультурного кода и кода культуры, как отметил в личной беседе М. Дж. Тагаев, соотносительны, но не равнозначны. Дело в том, что некоторыми исследователями «код культуры понимается как совокупность знаков, составляющих план выражения для культурного содержания, внутренне связанной системы культурно-ценностной информации и установок, носящих конвенциональный характер и формирующихся в пределах культуры» [10]. Как следует из данного определения, код культуры предназначен для выражения системы культурно-ценностной информации и может эксплицироваться любыми материальными знаками, в том числе и языковыми. Следовательно, понятия кода культуры и лингвокультурного кода находятся в отношениях общего и частного. Кодом культуры могут быть любые артефакты или действия, в которых заключен некий национально-культурный смысл. Так, в культуре народов Центральной Азии принято наливать чай в пиалу наполовину, чтобы выразить уважительное отношение к человеку. Согласно нормам культуры киргизского народа невестки не могут появляться перед родителями мужа с непокрытой головой; в противном случае такое поведение воспринимается как оскорбление. Больше века назад снять с себя головной убор и для русских женщин считалось неприличным. Эта традиция ушла в прошлое, но в архетипах сознания русского человека сохранился ее негативный смысл. Об этом свидетельствует слово *опростоволоситься*, которое и ныне используется в переносном значении — «оказаться в неприятном, смешном и т. п. положении, допустив грубую ошибку, промах, оплошность». Как отмечает В. М. Савицкий, «культурные коды, вербализуясь, превращаются в лингвокультурные коды, функционирующие в речевом общении и являющиеся словесным воплощением культурных кодов» [11]. К примеру, вербализацию в слове *жүгүнүү* «кланяться» получила традиция в киргизской культуре, когда молодуха обязана была кланяться, скрестив руки на груди, когда она впервые входит в комнату, где сидит старшая родня мужа.

Таким образом, использование термина «лингвокультурный код» в лингвистических исследованиях более предпочтительно, так как данное понятие имеет прямое отношение к выражению культурных смыслов языковыми знаками. Лингвокультурный код — это понятие, которое лишь относительно недавно стало входить в активный научный оборот, и поэтому до сих пор для него нет общепризнанного определения, о чем свидетельствуют названия и содержание статей, посвященных этой проблематике [4]. Логика всякого научного поиска в новых направлениях, как правило, заключается в движении от общего к частному, что ведет к сужению объекта исследования. В этой связи полагаем, что в соответствии с этой логикой к изучению проблемы ЛК-кода можно применить два подхода, связанные с широким и узким его пониманием. Широкое понимание предполагает выделение таких базовых кодов культуры, как соматический, пространственный, временной, предметный и др. Надо полагать, что этот список кодов культуры представляет собой открытый ряд и может пополняться, так как исследователи выделяют разное их число — от 6 до 15.

Узкое понимание данного термина связано с делением ЛК-кода на субкоды, назначение которых «смоделировать всю действительность сквозь призму какой-либо одной образной темы», создающей ассоциативное поле смыслов [11].

Таким образом, при узком понимании в качестве ЛК-кода может выступать отдельно взятый концепт-образ, входящий в число ключевых концептов данного этнического сообщества. Таким общим понятием для выстраивания вокруг него ассоциативно-вербального поля смыслов, к примеру, может служить концепт-образ, репрезентируемый лексемой «лошадь», благодаря которому происходит поэтапный процесс кодирования образов мира как фрагментов общей языковой картины мира. Образы мира, связанные с этой лексемой, эксплицируются единицами: 1) тематического поля прямых значений, 2) этнических интерпретаций, метафорических переносов, созданных в результате национально-культурного мировидения и кодирования смыслов.

Так, концепт-образ «Лошадь» в киргизском языке создает следующие тематические поля: 1) ядерная часть — номинативное поле (жылкы, ат, бээ, байтал, кулун и др.); 2) периферийные поля, связанные а) с мастью лошадей (кула, кашка, чабдар, кер, тору, жээрде и др.; б) снаряжением лошади (ээр, тизгин, үзөнгү, баймайыл, куюшкан и др.), а также другие микрополя, которые могут различны по тематике и наполнению. Так, к примеру, весьма широким представляется тематическое поле этого концепта-образа, связанное с военным делом в русском и турецком языках.

В каждом из этих микрополей имеются лексемы, которые используются для лингвокультурного кодирования национально-культурных смыслов. К ним относится в киргизском языке лексема тизгин, которая символизирует власть и служит для кодирования смыслов в выражениях: тизгиниң тарт «тянуть поводья» — успокоить возбужденного человека; эки тизгин — бир чылбыр сенде «двое поводьев и один поводок» — у тебя вся власть; тизгинин кый «перерезать поводья» — наказать, лишить власти.

Таким образом, лингвокультурный код в узком смысле, в центре которого стоит ключевой для этноса концепт-образ, представляется эффективным инструментом для изучения национально-культурного своеобразия языка.

#### *Список литературы:*

1. Кубрякова Е. С., Шахнарович А. М., Сахарный Л. В. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. 240 с.
2. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
3. Харитончик З. А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структура представления знаний. М., 1992. 99 с.
4. Велихов Е. Олигархи вымрут как динозавры // Аргументы и факты. 29 апреля - 5 мая 2009 г. №16.
5. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997. 330 с.
6. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективизации в языке) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. №5-6. С. 3-11.
7. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 212 с.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 401 с.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

10. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. 192 с.
11. Савицкий В. М. Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. №2. С. 55-62.

*References:*

1. Kubryakova, E. S., Shakhnarovich, A. M., & Sakharnyi, L. V. (1991). Chelovecheskii faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie rechi. Moscow. (in Russian).
2. Makarov, M. L. (2003). Osnovy teorii diskursa. Moscow. (in Russian).
3. Kharitonchik, Z. A. (1992). Sposoby kontseptual'noi organizatsii znanii v leksike yazyka. In *Yazyk i struktura predstavleniya znanii*, Moscow. (in Russian).
4. Velikhov, E. (2009). Oligarkhi vymrut kak dinovavry. *Argumenty i fakty*. 29 aprelya-5 maya, (16). (in Russian).
5. Kubryakova, E. S. (1997). Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Moscow. (in Russian).
6. Kubryakova, E. S. (1999). Semantika v kognitivnoi lingvistike (o kontsepte konteynera i formakh ego ob"ektivizatsii v yazyke). *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka*, 58(5-6), 3-11. (in Russian).
7. Kubryakova, E. S. (2012). V poiskakh sushchnosti yazyka. In *Kognitivnye issledovaniya*, Moscow. (in Russian).
8. Gumbol'dt, V. fon. (2000). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow. (in Russian).
9. Benvenist, E. (1974). *Obshchaya lingvistika*. Moscow. (in Russian).
10. Kovshova, M. L., & Gudkov, D. B. (2017). *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov*. Moscow. (in Russian).
11. Savitskii, V. M. (2016). Lingvokul'turnye kody: k obosnovaniyu ponyatiya. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, (2), 55-62. (in Russian).

*Работа поступила  
в редакцию 19.02.2023 г.*

*Принята к публикации  
26.02.2023 г.*

*Ссылка для цитирования:*

Эргешбай кызы М., Тагаев М. Д., Темиркулова Ы. А. Модели описания языка и лингвокультурный код в создании образов мира в тюркских и русском языках // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. №3. С. 521-528. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/88/71>

*Cite as (APA):*

Ergeshbai kyzy, M., Tagaev, M., & Temirkulova, Y. (2023). Models of Language Description and Linguocultural Code in Creating Images of the World in Turkic and Russian Languages. *Bulletin of Science and Practice*, 9(3), 521-528. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/88/71>